

Эта книга, безусловно, вызовет много споров: сторонники теории вытесненных воспоминаний увидят в ней кощунство, другие станут аплодировать той рассудительности и сдержанности, с которой автор подошла к столь деликатной теме.

Kirkus Reviews

Описания «терапевтических» методов, используемых для восстановления воспоминаний, представляют собой пугающее обвинение в адрес представителей этой расцветшей буйным цветом индустрии.

The New York Times Book Review

Elizabeth Loftus
Katherine Ketcham

THE MYTH
OF REPRESSED MEMORY

FALSE MEMORIES AND ALLEGATIONS
OF SEXUAL ABUSE

Элизабет Лофтус
Кэтрин Кетчем

МИФ ОБ УТРАЧЕННЫХ ВОСПОМИНАНИЯХ

КАК ВСПОМНИТЬ ТО,
ЧЕГО НЕ БЫЛО

УДК 159.953, 343.143
ББК 88.3, 67.411
Л81

Elizabeth Loftus, Katherine Ketcham
THE MYTH OF REPRESSED MEMORY

Перевод с английского Ирины Никитиной

Лофтус Э., Кетчем К.

Миф об утраченных воспоминаниях : Как вспомнить то, чего не было / Элизабет Лофтус, Кэтрин Кетчем ; пер. с англ. И.В. Никитиной. – М. : Колибри, Азбука-Аттикус, 2018. – 480 с.

ISBN 978-5-389-13308-2

«Когда человек переживает нечто ужасное, его разум способен полностью похоронить воспоминание об этом в недрах подсознания — настолько глубоко, что вернуться оно может лишь в виде своеобразной вспышки, “флеш-бэка”, спровоцированного зрительным образом, запахом или звуком». На этой идее американские психотерапевты и юристы построили целую индустрию лечения и судебной защиты людей, которые заявляют, что у них внезапно «восстановились» воспоминания о самых чудовищных вещах — начиная с пережитого в детстве насилия и заканчивая убийством. Профессор психологии Элизабет Лофтус, одна из самых влиятельных современных исследователей, внесшая огромный вклад в понимание реконструктивной природы человеческой памяти, не отрицает проблемы семейного насилия и сопереживает жертвам, но все же отвергает идею «подавленных» воспоминаний. По мнению Лофтус, не существует абсолютно никаких научных доказательств того, что воспоминания о травме систематически изгоняются в подсознание, а затем спустя годы восстанавливаются в неизменном виде. В то же время экспериментальные данные, полученные в ходе собственных исследований д-ра Лофтус, наглядно показывают, что любые фантастические картины в память человека можно попросту внедрить.

«Я изучаю память, и я — скептик. Но рассказанное в этой книге гораздо более важно, чем мои тщательно контролируемые научные исследования или любые частные споры, которые я могу вести с теми, кто яростно цепляется за веру в вытеснение воспоминаний. Разворачивающаяся на наших глазах драма основана на самых глубинных механизмах человеческой психики — корнями она уходит туда, где реальность существует в виде символов, где образы под воздействием пережитого опыта и эмоций превращаются в воспоминания, где возможны любые толкования». (*Элизабет Лофтус*)

УДК 159.953, 343.143
ББК 88.3, 67.411

ISBN 978-5-389-13308-2

© Elizabeth Loftus and Katherine Ketcham, 1994

© Никитина И. В., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2018

Колибри®

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вступление</i>	9
1. Ткань наших снов	13
2. Странное время	16
3. В состоянии транса	25
4. Духи	45
5. Борода господ и рога дьявола	62
6. Правда, которой никогда не было	73
7. Потерявшийся в торговом центре	132
8. Разрушенная семья	178
9. В поисках воспоминаний	240
10. Все, чего я хотела	296
11. Хоть горшком назови	336
12. Изгнание демонов	382
13. Вопрос рая и ада	443
<i>Примечания</i>	452
<i>Слова благодарности</i>	457
<i>Источники</i>	460

*Посвящается научным принципам, которые требуют,
чтобы любые притязания на «истину» сопровождались
доказательствами*

ВСТУПЛЕНИЕ

Собирая информацию для этой книги, мы побеседовали с сотнями людей — обвинителями и обвиняемыми, психотерапевтами, адвокатами, психологами, психиатрами, социологами, криминалистами и сотрудниками правоохранительных органов. Мы прочли тысячи страниц академической и научно-популярной литературы и статей на тему памяти, психотерапии, психологических травм и способов от них оправиться. Истории, описанные в этой книге, основаны на воспоминаниях людей, в жизни которых произошли различные драматические события, а также на наших собственных воспоминаниях об этих историях. Некоторые сцены и разговоры мы представили в виде диалогов, чтобы нагляднее передать важные идеи или упростить повествование, некоторые письма и прочие текстовые материалы мы перефразировали (в особенности письма Меган Паттерсон в главе 10), а тексты судебных протоколов и показания свидетелей — местами отредактировали, чтобы сделать материал более простым для чтения и понимания.

Мы старались избегать влияния типичных предрассудков и опираться на известные и не подлежащие сомнению факты, тем не менее наша интерпретация событий прошлого наверняка содержит неточности. Хотя во время работы над книгой мы всеми силами стремились к балансу и справедливости суждений, мы могли неправильно вспомнить или по ошибке неточно воспроизвести некоторые факты. Мы заранее приносим извинения за любые искажения воспоминаний, оставшиеся после всех стадий редактуры и доработки, которые включает в себя процесс написания и публикации книги. Надеемся, что читатели нас поймут и простят.

Имена некоторых людей были изменены по их просьбе для сохранения конфиденциальности. В таких случаях имя при первом упоминании выделяется курсивом.

Ну и наконец, мы выражаем благодарность и отдаем дань уважения многочисленным талантливым и преданным своему делу психотерапевтам, которые помогают жертвам инцеста и сексуального насилия справиться с последствиями полученной травмы и научиться жить с долговременными воспоминаниями о ней. Они, без сомнения, поймут, что наша цель — не забросать психотерапию обвинениями, а показать, каковы ее слабые стороны и что можно улучшить, чтобы более эффективно помогать тем, кто обращается к специалистам за помощью в решении своих проблем. Мы — не психотерапевты, и любая высказанная нами критика основана на собранной нами информации и нашем собственном опыте в области изучения памяти.

Мы просим наших читателей помнить о том, что эта книга — не рассуждение о том, насколько реально или ужасно насилие над детьми и инцест.

Эта книга — рассуждение о памяти.

Проктор. От посторонних глаз можно спрятать даже дракона с пятью головами. Но ведь его никто не видел.

Пэррис. Ваше превосходительство, мы как раз и собрались здесь для того, чтобы обнаружить то, чего никто не видел.

*Артур Миллер. Суровое испытание**

* Здесь и далее эта пьеса цитируется в переводе Ф.М. Крымко и Н.Г. Шахбазова.

ТКАНЬ НАШИХ СНОВ

И мы сами, и реальность, в которой мы живем, — это реальность нашей психики, представляющая собой лишь (обратите внимание на это унижительное «лишь») продукт поэтического воображения, ни на секунду не перестающего работать. Мы и впрямь живем во времени сновидений, мы и впрямь сотканы из ткани наших снов.

Джеймс Хиллман. Мы потратили сотню лет на психотерапию, а мир стал только хуже (We've Had a Hundred Years of Psychotherapy — And the World's Getting Worse)

Ширли Энн Соуза была идеальным ребенком — «самой милой, чудесной, прекрасной девочкой на свете», как вспоминает ее мать. В старших классах Ширли Энн играла в команде по софтболу и была капитаном команд по баскетболу и волейболу. Она состояла в Национальном обществе почета* и окончила школу, заняв девятнадцатое место в своем выпуске по количеству баллов.

После выпуска Ширли Энн устроилась работать в психиатрическую клинику и пошла учиться на фармацевта. Позднее, в возрасте двадцати одного года, она была жестоко изнасилована. После нападения ее оценки резко ухудшились. Она перевелась в другой университет, поближе к дому, и родители купили ей машину, чтобы она могла навещать их по выходным. Меньше чем через год, летом 1988-го, на Ширли Энн снова

* Национальное общество почета (National Honor Society) — организация в США, в которую входят хорошо успевающие ученики. — *Прим. перев.*

напал насильник, а в августе 1989-го он был обвинен в применении физического насилия и нанесении побоев и приговорен к полутора годам тюремного заключения.

Сеансы психотерапии, казалось, помогали Ширли Энн справляться с чувством горя и ярости, но ее мучили непрекращающиеся кошмары. В этих ужасных снах над ней надругалась ее мать, у которой был пенис, ее брат принуждал ее заниматься с ним сексом, а отец — насилывал сзади распятием. С помощью своего психотерапевта Ширли Энн попыталась проанализировать и истолковать эти кошмары. Однажды утром в июне 1990 года она, в порыве внезапного и шокирующего озарения, поняла, что именно пытались сообщить ей сны: ее родители насилывали ее, когда она была ребенком, и в попытке защитить себя она подавила воспоминания об этом. Ширли Энн немедленно позвонила своим сестрам — родной и сводной, и стала умолять их держать детей подальше от бабушки с дедушкой — Реймонда Соузы, вышедшего на пенсию монтера, работавшего в компании Massachusetts Electric, и Ширли Соузы, которая работала медсестрой.

Страх стал распространяться, словно чернила, пролитые на промокательную бумагу. Ширли Энн, ее сестра Шерон и сводная сестра Хизер прочли книгу Элен Басс «Мужество исцеления: руководство для женщин, переживших сексуальное насилие в детстве» (The Courage to Heal). Как они узнали, «если вы не помните, как вас насилывали, вы не одиноки». «Многие женщины ничего об этом не помнят, и некоторые не вспомнят никогда. Это не значит, что они не были жертвами насилия».

Опросники и списки симптомов подтвердили их опасения. Встревожившись, они поговорили со своими детьми и повели их к психотерапевтам, чтобы поставить диагноз и назначить лечение. В ноябре 1990 года психотерапевт пятилетней Синди заметил, что информация, которую сообщала девочка, «повторялась и была несколько запутанной...», и сделал вывод, что «присутствует давление со стороны матери». Спустя

несколько недель мать Синди сменила психотерапевта и повела дочь к специалисту по проблемам сексуального насилия над детьми. На первом же сеансе терапевт поставил Синди диагноз «посттравматическое стрессовое расстройство» — классический признак пережитого сексуального насилия. Когда четырехлетней *Нэнси* стали сниться кошмары с пугающими существами, в которых она узнала своих бабушку с дедушкой, девочка стала ходить на сеансы к тому же психотерапевту.

На основе воспоминаний, описанных их детьми и внуками, Реймонду и Ширли Соуза были предъявлены обвинения. Прокурор сразу же предложил им следующее: если они согласятся признать свою вину, их освободят без тюремного срока. Супруги Соуза отказались, и была назначена дата слушания.

Во время судебного заседания, которое проходило почти через три года после того, как Ширли Энн начали сниться кошмары, Нэнси рассказала, что бабушка с дедушкой заставляли ее трогать их гениталии, «целиком засовывали ладонь» в ее влагалище и даже засовывали в него «свою голову». Она описала механизм размером с комнату, которым ее бабушка с дедушкой управляли, нажимая на какую-то кнопку. У этого механизма были руки, которые «делали ей больно». Согласно показаниям Синди, ее бабушка и дедушка засовывали пальцы в ее влагалище и анус, сажали ее в огромную клетку в подвале, заставляли пить отвратительное зеленое зелье и угрожали, что воткнут ее матери в сердце нож, если она кому-нибудь расскажет.

Несмотря на полное отсутствие вещественных доказательств, 12 февраля 1993 года суд вынес приговор Реймонду и Ширли Соуза (каждому из них на тот момент был 61 год) за множественные случаи сексуального насилия, посягательства на половую свободу и побои. Если их апелляция будет отклонена, они проведут от девяти до пятнадцати лет в тюрьме из-за воспоминаний, которых не существовало до тех пор, пока взрослой женщине не приснился плохой сон.

СТРАННОЕ ВРЕМЯ

Тревожно наше время, сэ.р. Никто уже не имеет права сомневаться, что силы тьмы завладели Сейлемом. Слишком много доказательств. Вы согласны, сэ.р?

*Артур Миллер. Суровое испытание
(слова преподобного Джона Хейла)*

Зачастую величайшим врагом правды оказывается вовсе не ложь — преднамеренная, продуманная и бесчестная, а миф — живучий, убедительный и эфемерный.

Джон Кеннеди

Я — психолог-исследователь, и всю свою жизнь посвятила изучению памяти. Вот уже двадцать пять лет я провожу лабораторные исследования, курирую студентов магистратуры, пишу книги и статьи, путешествую по миру, посещая конференции и делая выступления. На моем счету много исследовательских работ с заголовками вроде «Искажения воспоминаний под воздействием ложной информации», «Концептуальный анализ механизмов обработки информации в человеческом мышлении» и «Эффект дезинформации: изменения воспоминаний, спровоцированные информацией, полученной после запоминания произошедшего события».

Я считаюсь довольно авторитетным специалистом в том, что касается гибкости нашей памяти. Я сотни раз давала показания во время судебных слушаний, когда судьба человека зависела от того, поверят ли присяжные свидетелям, которые устремляют на обвиняемого указующий перст: «Это он. Я его видел. Он это сделал». Я встаю за свидетельскую кафедру

и пересказываю известные мне научные истины, предупреждая судей, что наша память нестабильна и крайне подвержена внешнему влиянию, что она подобна панорамной грифельной доске, на которой можно бесконечно писать, раз за разом стирая написанное. Я стараюсь впечатлить присяжных, рассказывая о том, как уязвим наш разум, насколько он по своей природе подвержен внешнему воздействию. Я придумываю метафоры, стараясь как можно лучше передать суть. «Представьте, что ваш разум — это чаша, наполненная чистой водой. Теперь вообразите, что каждое воспоминание — это чайная ложка молока, которое смешивается с водой. В мозге любого взрослого человека хранятся тысячи таких смутных молочных воспоминаний... Кто из нас сумел бы отделить воду от молока?»

Эта метафора мне особенно нравится, поскольку она опровергает распространенное представление о том, что воспоминания якобы хранятся в определенной части мозга, словно компьютерные диски или хрустящие папки из желтой бумаги, тщательно рассортированные и уложенные в картотечный ящик. Воспоминания не лежат в одном месте, терпеливо ожидая, когда их оттуда вытащат. Они дрейфуют по разуму человека скорее как облака или пар, а не как нечто осязаемое. Хотя ученые не любят использовать слова вроде «дух» или «душа», я должна признать, что воспоминания в большей степени принадлежат сфере духовного, чем к физической реальности. Перистые и слоистые облака воспоминаний существуют — как ветер, или дыхание, или поднимающийся пар, но если попытаться потрогать их, они растворяются в воздухе и исчезают¹.

Такой взгляд на память оказалось нелегко популяризировать. Нам дорого наше прошлое, ведь люди, места и события, хранящиеся, словно святыни, в храме нашей памяти, формируют и определяют то, что мы называем своим «я». Если мы признаем, что наши воспоминания — это капли молока,

смешивающиеся со снами и фантазиями, то как же мы сможем и дальше притворяться, будто знаем, что на самом деле реально, а что — нет? Кто из нас готов поверить, что наша связь с реальностью столь условна, а сама реальность непостижима? Но ведь мы знаем о ней только по своим воспоминаниям, которые так ненадежны.

Нет, все это слишком смахивает на научную фантастику, какие-то фокусы-покусы, какую-то магию... а мы, люди, предпочитаем иметь дело с реальным, физическим, материальным. Мы хотим, чтобы у нас под ногами была надежная земная твердь, и пускаем толстые корни в мягкую почву истории, оплетая ими то, что мы называем правдой. От всякой неоднозначности нам не по себе.

Я знаю, почему моя работа вызывает у людей протест, какие страхи и предрассудки лежат в основе этой неприязни. Я знаю, почему люди предпочитают поверить свидетелю, который говорит: «Он это сделал. Это был он». Я с пониманием отношусь к потребности человека *обладать* прошлым, то есть превращать его в собственную правду. У меня есть и свои причины желать, чтобы прошлое было стабильным и недвижимым, а не утекало из-под ног, словно зыбучие пески.

Но память снова и снова поражает меня своей ошеломительной доверчивостью, своей готовностью подобрать мелок внушения и закрасить темный уголок прошлого, без каких-либо возражений отдать старый, потрепанный лоскуток воспоминаний в обмен на новый, блестящий кусочек, благодаря которому все становится чуть ярче, чуть чище и аккуратнее. В ходе моих экспериментов, в которых за более чем двадцать лет поучаствовали тысячи людей, я проделывала удивительные вещи с их памятью: они вспоминали несуществующие разбитые стекла и магнитофоны, вспоминали усы у чисто выбритого человека и кудри — у человека с прямыми волосами, вспоминали знак «уступи дорогу» вместо знака «стоп»

и молоток — вместо отвертки, вспоминали сарай — довольно заметное сооружение — на фоне пасторального пейзажа, где на самом деле не было никаких построек. Мне даже удавалось внедрить в память испытуемым ложные воспоминания о людях, которых никогда не существовало, или о событиях, которые никогда не происходили.

Все эти усилия позволили мне создать новую парадигму памяти, отойдя от привычной модели видеопроигрывателя, в рамках которой воспоминания интерпретируются как абсолютная истина, и противопоставить ей реконструктивную модель, в рамках которой они интерпретируются как творческое соединение фактов и вымысла. Мне удалось изменить мнение некоторых людей, помочь безвинно осужденным избежать тюремного срока, вдохновить людей на новые исследования и спровоцировать несколько жарких споров. Вот какими были мои планы на жизнь: работать не покладая рук, разрабатывать исследования, завоевывать гранты, выступать, обучать магистрантов — и все это в надежде, что проделанная мной работа вселит в людей любопытство и интерес к процессу образования воспоминаний и поспособствует распространению здорового скептицизма по поводу того, может ли быть какое-либо воспоминание, или даже небольшой его отрывок, абсолютно правдивым.

Однако недавно весь мой мир перевернулся с ног на голову. Я вдруг осознала, что, пока я тут и там сыплю аббревиатурами вроде ДРИ, РМЛ, ПТСР, СРН, DSM-IV*, мои коллеги смотрят на меня озабоченно и удивленно. Мне приходится отвечать на письма с угрозами и защищать свой труд от растущего количества все более враждебной критики. Мои подруги-феминистки

* Диссоциативное расстройство идентичности, расстройство множественной личности, посттравматическое стрессовое расстройство, сатанинское ритуальное насилие, IV издание Диагностического и статистического руководства по психическим расстройствам (публикуется Американской психиатрической ассоциацией). — *Прим. перев.*

обвиняют меня в предательстве. Коллеги-профессора открыто интересуются, не отказалась ли я от научных методов.

Пока заявки на получение грантов копятя в углах моего безнадежно захламленного кабинета, я провожу день за днем, разговаривая по телефону с незнакомцами, обвиненными в самых омерзительных преступлениях, какие только можно себе представить. Они шлют мне длинные, эмоциональные письма, рассказывая о самых интимных деталях своей жизни. Их письма начинаются, казалось бы, заурядно:

«Моя семья — на грани распада».

«У меня очень серьезная проблема».

«Мне крайне необходимо побольше узнать о ваших исследованиях».

Но последующие абзацы быстро раскрывают истинные масштабы катастрофы.

«За неделю до того, как мой муж скончался после восьми месяцев борьбы с раком легких, — пишет женщина из Калифорнии, — наша младшая дочь (ей 38 лет) заявила, что он ее насиловал, а я ничего не сделала. Это разбило мне сердце, ведь это *полнейшая ложь*».

«Мне семьдесят пять лет, перед тем как выйти на пенсию, я работал акушером, — пишет мужчина из Флориды, — и моя сорокадевятiletняя дочь хочет отсудить у меня миллион долларов, заявляя, что я насиловал ее в раннем детстве и подростковом возрасте».

«Четыре года назад наша двадцативосьмiletняя дочь внезапно и без всяких причин обвинила нас в том, — пишет женщина из Мэриленда, — что мы подвергали ее сексуальному насилию и принуждали к инцесту, в частности, что ее насиловал отец, когда ей было три месяца, что я много раз насиловала ее в очень раннем возрасте и что над ней неоднократно надругался один из ее двух братьев. Это сущий кошмар, мне кажется, будто разум моей дочери подменили, что это какой-то другой человек».

«Пожалуйста, помогите нам, — пишет женщина из Канады. — Мы были нормальной, заботливой семьей, и хотим снова стать нормальными».

Мужчина из Техаса пишет следующее: «Наш младший сын учится в семинарии, и в рамках обучения он прошел интенсивный двухнедельный курс психологических консультаций. Вскоре после этого он обвинил меня и мою жену в том, что мы не защитили его от сексуального насилия, и более того — насильовали его сами. Он говорит, что воспоминания об этом всплыли в его памяти, как пузырьки воздуха».

Каждая из этих историй — а их у меня сотни — началась с того, что некий взрослый человек зашел в кабинет психотерапевта, ища помощи в преодолении жизненных проблем. В каждой из этих историй присутствуют обнаруженные во время сеансов терапии воспоминания о сексуальном насилии, которому человек якобы подвергался в детстве. В каждой из этих историй человек ничего подобного не помнил, пока не начал посещать сеансы. И в каждой из этих историй трагически распадается чья-то семья.

Я кладу телефонную трубку, убираю письма в папки и откидываюсь на спинку стула, глядя в окно и гадая, как люди выносят такие страдания, должно ли это быть частью моей работы и где найти время, чтобы заняться всеми просьбами. «У вас есть какая-либо дополнительная информация или данные о том, как помочь семье вроде нашей?» — интересуются авторы писем. «Может быть, вы знаете о каких-нибудь группах поддержки, где оказывают помощь родителям, чей ребенок хоть и жив, но все равно что умер?» «Может быть, у вас есть какая-нибудь литература, в которой рассказывается о феномене ложных воспоминаний?» «Куда нам обратиться, кто может помочь нам, как это случилось?»

Раньше я представляла себе время как твердую, незыблемую реальность — час на то, чтобы прочесть статью в научном журнале, три — чтобы написать отзыв, полтора часа на

семинар, три дня на конференцию, два — на судебное слушание. Но теперь время утекает сквозь пальцы и меня с головой накрывает волна чужого горя и просьба о помощи.

* * *

Если бы я только знала, какой станет моя жизнь — исступленные мольбы по телефону, слезные признания, параноидальные теории заговора, жуткие истории о сатанинском сексуальном насилии, пытках и даже убийствах — быть может, я предпочла бы поскорее скрыться за безопасными стенами своей лаборатории? Нет. Ни за что. Ведь мне повезло оказаться в самом центре одной из великих драм нашего века, наполненной такими страстями и муками, что куда там древнегреческой трагедии. Разве не поражают воображение эти истории о гипнотическом трансе, о садистских ритуалах и кровавых жертвоприношениях? В подобной драме Эдип мог бы взойти на сцену и почувствовать себя как дома, и то же можно сказать про Меду, Гамлета, Макбета. А также преподобного Самуэля Пэрриса, Джона Проктора, Абигаиль Уильямс и прочих обвинителей и обвиненных из Сейлема. Зигмунд Фрейд и Карл Юнг нашли бы предостаточно материала для своей работы в этих историях об инцесте, похоти и запретных желаниях.

Марк Твен однажды сказал: «История не повторяется, она рифмуется». А по словам Гегеля — того еще пессимиста, — «история учит человека тому, что человек ничему не учится из истории». То, что происходит сейчас, в последнее десятилетие XX века, уже происходило раньше, в других культурах и в другое время. Это великое повествование складывается из отдельных частей, но остается чем-то большим, чем их сумма. И оно поднимает вопросы, которые преследуют людей уже не одну тысячу лет.

Современная психотерапия свела главный вопрос — «Кто я?» к другому вопросу — «Как я стал таким?». Многие

психотерапевты говорят, что, если мы хотим понять, кто мы и почему мы такие, нам следует вернуться в детские годы и выяснить, что происходило с нами в то время. Если мы чувствуем боль, нам говорят, что на то должна быть причина, а если мы не можем ее найти, значит, мы недостаточно глубоко заглянули. И мы продолжаем искать правду среди воспоминаний, которые у нас сохранились и которые мы потеряли.

И тогда мы сталкиваемся с феноменом нашей психики, называемым «вытеснением воспоминаний». Это понятие основано на идее, что человеческий разум способен защищаться от эмоционально тяжелых воспоминаний, удаляя из сознания часть информации об этом опыте и связанных с ним эмоциях. Спустя месяцы, годы или даже десятилетия, когда разуму будет проще справиться с «вытесненными воспоминаниями», их можно по кусочкам вытащить наружу из сырой могилы прошлого, изучить и тщательно проанализировать, словно древние свитки, на которых записана правда.

Те, кто в это верит, заявляют, что, хотя травматические воспоминания похоронены очень глубоко, эмоции, погребенные вместе с ними, просачиваются в нашу сознательную жизнь, отравляя наши отношения с другими людьми и подрывая чувство собственного «я». Именно поэтому мы должны возвращаться в прошлое, раскапывать погребенные воспоминания и вытаскивать их на свет божий. Только таким образом, лицом к лицу встретившись с мрачной правдой о своем прошлом, мы можем понять ее, узнать, принять и отпустить.

Скептики указывают на реконструктивную природу памяти и просят предъявить доказательства и подкрепить эту теорию фактами. Как, спрашивают они, мы можем быть уверены, что давно утерянные воспоминания представляют собой факты, а не вымысел, если доказательств этому нет?

Я изучаю память, и я — скептик. Но рассказанное в этой книге гораздо более важно, чем мои тщательно контролируемые

научные исследования или любые частные споры, которые я могу вести с теми, кто яростно цепляется за веру в вытеснение воспоминаний. Разворачивающаяся на наших глазах драма основана на самых глубинных механизмах человеческой психики — корнями она уходит туда, где реальность существует в виде символов, где образы под воздействием пережитого опыта и эмоций превращаются в воспоминания, где возможны любые толкования.

В СОСТОЯНИИ ТРАНСА

Я сама не понимала этого. <...> Вот я смотрю на нее и слушаю, как она все отрицает и отрицает, и вдруг пронизывающий холод пополз по моей спине, волосы на голове зашевелились, комок застрял в гортани, и я услышала голос, пронзительный, — это был мой голос. И тогда я все вспомнила... все...

Артур Миллер.

Суровое испытание (слова Мэри Уоррен)

Он усадил ее на заднее сиденье своего пикапа 1965 года выпуска и заставил смотреть, как он достает карманный нож и вспарывает брюхо рыбине. «Это мерзко!» — воскликнула она, скорчив гримасу ужаса и отвращения при виде того, как рыбы внутренности вываливались на пыльную техасскую землю. Он улыбнулся и вытер окровавленные ладони о джинсы. Одной рукой он расстегнул ремень, а другой грубо толкнул ее в грудь, прижав ее тело к сиденью. Она не отрываясь смотрела на испещренный пятнами воды потолок и думала о том, как выглядят ее ноги, торчащие из салона. Они казались какими-то странными, толстыми из-за набухших кровью мышц, тяжелыми и отделенными от ее тела, и они постепенно немели.

Он задрал ей платье, и она почувствовала прикосновение к своему животу чего-то острого и теплого. Сильно надавив, он разрезал ее живот от груди до лобка. Она в ужасе закричала и вскинулась, уверенная, что сейчас увидит, как ее внутренности падают на проржавленный пол пикапа, прямо как кишки мертвой

рыбины. Он засмеялся, ударив тупой стороной лезвия по ладони («Думала, что я тебя порезал, да?»), бросил нож и расстегнул ширинку — все это в считанные секунды. Потом была знакомая боль и толчки, чувство, будто тебя раздирают на части, нагревшаяся искусственная кожа сиденья под ее пятой точкой и странное ощущение, будто она витает в воздухе и сверху смотрит на всю эту сцену, которая всегда выглядела и ощущалась ею одинаково.

Когда все закончилось, они поехали назад, мимо техасских нефтяных месторождений, и вокруг не было ничего, кроме палящего солнца, клубов пыли и ее дяди, улыбающегося при мысли о какой-то известной ему одному шутке.

Линн Прайс Гондольф навсегда запомнила этот день, когда дядя ее изнасиловал: ей было шесть лет. У нее остались и другие похожие воспоминания о том, что случилось в последующие годы: конкретные и детальные картины ласк, содомии*, садистских издевательств и даже пыток. Двадцать лет спустя она все еще помнила, как теплое окровавленное лезвие ножа прикоснулось к ее животу. Она помнила, какого цвета были ее сандалии, помнила мозоль на пятке, помнила раскаленное добела небо и пыль, скрипевшую на зубах. Перед ее внутренним взором все еще стоял мертвый, неподвижный глаз распоротой рыбины... прямо как у нее, думала она, поднимаясь вверх и глядя сверху надвигающееся туда-сюда тело дяди и на беспомощную, зажатую под ним девочку со свисающими из двери ногами. Шли годы, но воспоминания по-прежнему оставались в ее памяти, словно незваные гости, которые даже не собирались искать другое место для ночлега.

Через тринадцать лет после того, как дядя в последний раз ее изнасиловал, Линн подняла телефонную трубку и набрала номер местной психиатрической клиники. Она весила на

* В США под содомией понимается любая анальная или оральная пенетрация как с лицом своего, так и с лицом противоположного пола. — Прим. ред.

двадцать килограммов больше нормы, потому что вот уже много лет страдала от расстройства пищевого поведения и в огромных количествах поглощала вредную еду, а потом принимала диуретики, слабительное и сироп из рвотного корня, чтобы очистить желудок. Каждый приступ булимии усиливал испытываемые ею угрызения совести и чувство вины. Ее мучила депрессия, тревога, ее переполняли стыд и усталость оттого, что она не могла контролировать собственное тело. Она хотела быть «нормальной». Все это она объяснила терапевту, который ответил на ее звонок. Он выслушал ее, немного помолчал, а потом сказал:

— Послушайте, Линн... вас когда-нибудь насильовали?

— Да, — ответила она, удивившись, как умело врач сделал выводы о ее прошлом на основе описанных симптомов. Она вкратце рассказала, что с ней сделал дядя.

— Это делал только он?

Она засмеялась:

— Его было вполне достаточно.

Линн начала ходить на сеансы психотерапии на той же неделе, и с самого начала ее психотерапевт стремился выяснить как можно больше деталей о насилии, которому она подверглась в детстве. Он настоял на том, чтобы она в мельчайших подробностях вспомнила, что именно произошло в пикапе, вплоть до описания размера и формы пениса ее дяди. Ей пришлось снова и снова переживать болезненные воспоминания. В конце второго или третьего сеанса терапевт начал вкрадчиво расспрашивать ее о родителях.

— Где находились ваши родители во время этих случаев насилия? — спрашивал он. — Разве они не знали, что дядя вас насильовал?

— Я никогда им не рассказывала, — отвечала девушка, — они узнали только в этом году.

— Вы уверены? Только подумайте, Линн... представьте себе, сколько раз вы уезжали вместе с ним — сколько всего

было отдельных случаев, двадцать, тридцать? Что, по мнению ваших родителей, происходило, когда ваш дядя вас куда-то увозил на машине?

Линн с ним спорила.

— Они не знали, потому что я им не говорила. Мне было слишком стыдно. Они жили в нищете, оба работали по двенадцать часов в день без выходных, им, кроме меня, надо было кормить троих детей. Они просто полагали, что, раз я старшая, я сама смогу о себе позаботиться и скажу им, если кто-то делает мне больно.

— Все, чего я хочу, — так это чтобы ты подумала, — сказал он мягким, утешающим голосом. — Попробуй представить себе этот эпизод. Ты была маленькой девочкой, тебе было всего шесть лет. Уезжала куда-то со своим дядей на несколько часов и возвращалась вся грязная, потная, должно быть, до смерти испуганная. Ты наверняка плакала, капризничала, плохо себя вела, цеплялась за мать. Ты и правда думаешь, что они ничего не замечали? Только подумай, Линн. Старайся вспомнить, что именно произошло.

Она стала думать об этом. Спустя какое-то время она уже не могла думать ни о чем другом. Психотерапевт продолжал подталкивать ее к тому, чтобы она просеивала свои воспоминания, и предложил ей завести ежедневник и регулярно заниматься самогипнозом, расслабляясь, глубоко дыша и пытаясь представить, что могло случиться в ее детстве. Через несколько недель интенсивной терапии и «духовных поисков» она сдалась.

— Возможно, вы и правы, — сказала она. — Возможно, они действительно знали¹.

Ее психотерапевт снова сменил тему.

— Если твои родители знали, — сказал он, — почему они ничего не сделали?

Она пожала плечами, после чего он решил поставить вопрос немного по-другому:

— Теперь, когда мы выяснили, что они знали и ничего не предприняли, чтобы это остановить, не стоит ли нам задаться вопросом: не были ли они частью происходящего? Возможно ли, что твой отец, или мать, или они оба тоже тебя насильовали?

Она снова начала обороняться. Может быть, они не хотели об этом думать. Может быть, они знали, но не хотели в это верить. Может быть, они не знали, как меня защитить. Может быть, они просто сделали все, что было в их силах, даже если они не сумели меня защитить, не сумели остановить насилие. Они были не идеальны, но они сделали все, что могли.

Она попыталась опять перевести разговор на свое расстройство пищевого поведения.

— Мне все еще трудно из-за того, что я не чувствую контроля над ситуацией, — сказала она. — Похоже, как будто я просто не могу перестать бесконтрольно есть, а потом промывать желудок.

— Ты пытаешься выbleвать воспоминание, — сделал вывод психотерапевт. — Как только ты вспомнишь правду, потребность очищать желудок сразу пройдет, и проблемы с питанием постепенно исчезнут.

— Мои родители меня никогда не трогали! — сказала Линн, внезапно разозлившись.

— Линн, Линн, — ответил он раздраженно-терпеливым голосом, которым родитель мог бы разговаривать с непослушным ребенком, — твои симптомы слишком сильны и долговременны, чтобы я мог объяснить их насилием твоего дяди, каким бы ужасным оно ни было. Ты помнишь те события, ты осознала, что он с тобой сделал, и приняла это. Но твое расстройство пищевого поведения все еще никуда не уходит, ты все еще не чувствуешь контроля над своей жизнью и не понимаешь почему. Я уверен, в твоем прошлом должно быть еще что-то, что-то гораздо более страшное, с чем ты еще не столкнулась лицом к лицу.

Думай, говорил он ей, пиши, смотри сны, фантазируй. Покопайся в своем подсознании и вытяни оттуда эти воспоминания.

Если только ты сможешь вспомнить, обнадеживал он девушку, тебе сразу станет намного легче.

Через месяц отчаянной погони за воспоминаниями, которая ни к чему не привела, Линн согласилась присоединиться к группе из восьми женщин для посещения еженедельных сеансов терапии вдобавок к индивидуальным приемам. «Здесь вы в безопасности, с людьми, которые о вас очень заботятся, — говорил психотерапевт женщинам, чьи проблемы варьировались от расстройств пищевого поведения и депрессий до последствий сексуального насилия. — Позвольте воспоминаниям вернуться, не бойтесь их. Если вы сможете восстановить эти давно утерянные воспоминания, они потеряют свою власть над вами, и вы снова обретете свободу быть собой».

Ему нравилось говорить о «калитке» человеческого разума. Якобы у всех в сознании есть маленькая калитка, словно закрытая на засов, который не позволяет болезненным и травматичным воспоминаниям войти в сознание. Когда мы чувствуем себя «в безопасности» — когда мы эмоционально подготовлены, не ощущаем физической угрозы и окружены людьми, которые о нас заботятся и хотят, чтобы мы поправились, — засов может отпереться сам собой, и воспоминания выплеснутся наружу. «Позвольте калитке открыться, — подбадривал он участниц группы. — Не бойтесь».

А Линн все же боялась. На самом деле она была смертельно напугана. Все, во что она верила, подвергалось сомнению. Она всегда знала, что мать и отец ее любили и защищали. Но почему же они не спасли ее от дяди? Неужели ее психотерапевт был прав? Неужели люди, которых она любила больше всех на свете, родители, которым она доверяла на протяжении многих лет своего детства и юности, неужели они ее насильовали? Но если они действительно ее домогались, значит, вся ее жизнь была построена на обмане и отрицании. Как она могла обманывать себя все эти годы? Как мог ее разум отторгнуть такие важные воспоминания?

Научно-популярное издание

Элизабет Лофтус и Кэтрин Кетчем

МИФ ОБ УТРАЧЕННЫХ ВОСПОМИНАНИЯХ

Как вспомнить то, чего не было

Ответственный редактор Н. Галактионова

Редактор О. Нестерова

Художественный редактор Н. Данильченко

Технический редактор Л. Сеницына

Корректоры О. Левина, Ю. Сычева

Верстка Т. Коровенковой

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» –
обладатель товарного знака «Колибри»
115093, Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»

Тел./факс (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

18+

Подписано в печать 13.08.2018. Формат 60×90/16.

Бумага офсетная. Гарнитура «Charter ГТС».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 30,0.

Тираж 2000 экз. В-СНМ-21462-01-Р. Заказ

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А
www.pareto-print.ru